

Изъ записки Великаго Князя Константина Павловича, посланной къ Императору Александру Павловичу¹⁾.

Варшава, 23 Ноября 1824.

Ваше Императорское Величество разрѣшили мнѣ ѣхать въ Германію, куда меня призывали личныя неотложныя дѣла²⁾, и я успѣшилъ отправиться въ Эмсъ. Въ то время путешествіе мое было слишкомъ спѣшно, чтобы я могъ въ пути дѣлать наблюденія, которыя стоило бы записывать. По пріѣздѣ же въ самый Эмсъ, мое продолжительное пребываніе тамъ, досугъ, остававшійся при образѣ жизни на водахъ, отношенія, въ которыя естественно становисься съ болѣе или менѣе ограниченнымъ кругомъ лицъ, собравшихся туда для одной и той же цѣли; при этомъ невозможность избѣгнуть ежедневной съ ними встрѣчи, все это само собою доставило мнѣ случай узнавать мнѣнія почти всѣхъ странъ и всѣхъ партій, благодаря разнообразію лицъ, съѣхавшихся въ одномъ мѣстѣ, гдѣ одинаковая, общая для всѣхъ жизнь дѣлаетъ людей болѣе общительными. Такимъ образомъ, не имѣя вида, что занимаюсь или вмѣшиваюсь во что либо чуждое моему положенію, я очутился въ возможности сдѣлать запасъ наблюденій, въ особенности касательно положенія дѣлъ въ Германіи, о чемъ и долженъ дать отчетъ Вашему Императорскому Величеству.

Постоянная забота моей жизни—служба на благо Вашему Величеству. Поэтому я хотѣлъ, воспользовавшись невольною праздностью, посвятить и теперь свои способности на пользу службы, но въ иномъ отношеніи. Буду описывать свои наблюденія, справляясь по своей путевой книжкѣ, слѣдовательно въ томъ порядкѣ, какъ ихъ дѣлалъ.

Близость Кобленца къ Эмсу, находящемуся отъ него лишь въ трехъ миляхъ, дѣлаетъ его для посѣтителей водъ цѣлью прогулокъ: они туда часто ѣздить, привлекаемые мѣстными достопримѣчательностями, а еще болѣе новыми работами по его укрѣпленію, которыя Пруссаки продолжаютъ для довершенія его защиты.

¹⁾ Переведено изъ VI тома книги: *Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode*, стр. 180-я слѣд.

²⁾ Болѣзнь супруги. П. Б.

Легкость, предоставленная въ этомъ отношеніи каждому иноземцу, безъ различія, чрезмѣрна, и до такой степени неограничена, что можетъ быть объяснена только чванливымъ хвастовствомъ со стороны Прусскаго правительства, якобы говорящаго міру: *мы владѣемъ столь неприступною крѣпостью, что смѣло можемъ не бояться никакихъ испытаній; своєю прочностью она ставитъ насъ выше всякаго пошлаго недоверія, и чѣмъ больше она будетъ извѣстна, тѣмъ больше убѣдятся въ томъ, что отнять наши работы поставили ея вне опасности нападенія.* Не умѣя ничѣмъ инымъ объяснить себѣ доступность, доведенную до неестественности и потому имѣющую видъ чего-то предумышленнаго, я именно поэтому счелъ должнымъ выказать особенно замѣтное равнодушіе къ поѣздкѣ туда; а когда возобновлявшимися вопросами меня вызывали на объясненія, почему медлю осмотрѣть столь любопытныя работы, имѣющія вмѣстѣ съ тѣмъ такое значеніе для каждаго военнаго человѣка, я ограничивался отвѣтомъ: *успѣю еще это сдѣлать.* Я зналъ, что съ помощью малаго вознагражденія первому встрѣчному солдату или крѣпостному рабочему, каждый новопріѣзжій, каждый любопытствующій могъ быть проведенъ всюду, и ему были бы подробнѣйшимъ образомъ показаны не одни наружныя работы Эренбрейтштейна *) и другихъ крѣпостей, соединенныхъ съ нимъ новыми укрѣпленіями, но и башни, снабженныя бастионами, подземные ходы, казематы, кладовыя и т. д., однимъ словомъ, все достойное вниманія.

И дѣйствительно, я имѣлъ случай въ этомъ убѣдиться, отправившись однажды въ Кобленцъ, подъ чужимъ именемъ, со своимъ адъютантомъ, полковникомъ Турнъ. Не обращаясь ни къ кому, успѣлъ я, безъ малѣйшаго затрудненія, удовлетворить весьма широко свое любопытство.

Я былъ чрезвычайно изумленъ небрежностью, съ какою исполнялась крѣпостная служба; самые важные посты, даже артиллерійскіе снаряды, нагроможденные въ величайшемъ беспорядкѣ, не были охраняемы; всѣ подъѣздыя дороги свободны, кладовыя, склады безъ часовыхъ; словомъ, можно было бы все это предать огню такъ же легко, какъ человѣкъ можетъ поджечь свое помѣщеніе, если ему придетъ на то охота и нѣтъ при немъ свидѣтеля.

Генералъ Тильманъ, имѣвшій свое пребываніе въ Кобленцѣ, утомившись или быть можетъ, удивившись моему очевидному равнодушію, явился ко мнѣ однажды со старшимъ предсѣдателемъ кассационнаго и апелляціоннаго суда области, Ингерслебеномъ, чтобы, какъ онъ сказалъ, засвидѣтельствовать мнѣ свое почтеніе. Въ то же время онъ пригласилъ меня осмотрѣть работы по укрѣпленію, вѣжливо прибавивъ при этомъ, что онъ надѣялся и ожидалъ получить по этому поводу мои приказанія. На это я ему отвѣчалъ, что въ качествѣ иноземнаго офицера я бы не позволилъ себѣ этого посѣщенія и что

*) Названіе укрѣпленной части Кобленца, куда, въ Мартѣ 1848 года, въ перелѣтѣмъ одѣяніи, спасся будущій Императоръ Вильгельмъ изъ обгорѣннаго пролиткомъ имъ кровію Берлина. П. Б.

мнѣ казалось бы даже нескромнымъ выразить подобное пожеланіе, но что разъ онъ дѣлаеть мнѣ честь приглашеніемъ туда, я охотно поѣду. Онъ спросилъ меня, въ какой день и часъ. Я высказалъ нѣкоторую нерѣшительность и отложилъ срокъ настолько, чтобы ясно показать, какъ мало тороплюсь. И дѣйствительно, я рѣшился съѣздить туда только когда узналъ, что въ Кобленцъ должны пріѣхать наслѣдный принцъ Оранскій и его супруга, ея высочество великая княгиня¹⁾. Я провель тамъ три дня, въ теченіе которыхъ комендантъ, генераль Гофманъ, и начальникъ инженерныхъ работъ, генераль Астеръ, показывали мнѣ самымъ подробнымъ образомъ работы въ крѣпости и все, что въ ней находится.

Не мое дѣло оцѣнивать здѣсь Кобленцъ въ смыслѣ его военного положенія или разбирать, отвѣчаетъ ли планъ предпринятыхъ работъ наилучшему способу обороны; въ этомъ отношеніи я не считаю себя свѣдущимъ судьей, но о чемъ не трудно судить по первому взгляду, это то, что исполненіе работъ великолѣпно. Вся каменная облицовка производитъ впечатлѣніе величія и прочности, которая не должна бояться усилій людей и вѣковъ. Это монументальныя постройки, которыя можно сравнивать со всѣмъ, что древніе вѣка оставили намъ самаго роскошнаго въ этомъ родѣ. Всѣ подробности, по роскоши и изысканности, достойны остального. Это будетъ во всякомъ случаѣ великій и прекрасный памятникъ, завѣщанный отдаленному потомству.

Вотъ что мнѣ вспомнилось по поводу проѣзда черезъ Кобленцъ князя Метерниха. По пріѣздѣ онъ принималъ корпусныхъ. Принялъ онъ ихъ самымъ привѣтливымъ образомъ; тѣмъ не менѣе замѣтили, что онъ ни слова не сказалъ генералу Пулю и даже не пригласилъ его обѣдать. Генераль былъ настолько опечаленъ холодностью этого пріема, что тотчасъ уѣхалъ въ Нассау, къ живущему тамъ бывшему министру Штейну и горько ему жаловался.

Возвращаясь изъ Франціи, Вюртембергскій король²⁾ условился о свиданіи въ Кобленцъ съ наслѣднымъ принцемъ Нидерландскимъ. И дѣйствительно, его величество пріѣхалъ туда почти одновременно съ принцемъ Оранскимъ и за нѣсколько часовъ до пріѣзда великой княгини изъ Россіи. Несмотря на сдержанность и холодность, которыя продолжаютъ еще въ нашихъ политическихъ отношеніяхъ съ нимъ, я счелъ тѣмъ не менѣе своимъ долгомъ выразить ему свое почтеніе. Онъ принялъ меня привѣтливо, сердечно и съ манерностью, которая Вашему Величеству въ немъ извѣстна. Однако я тотчасъ замѣтилъ, что онъ питаетъ сильную досаду и имѣетъ скрытыя мысли, которыя невольно обнаруживаетъ, когда горячится. Онъ посмѣялся надо мной за полную парадную форму, въ которой я счелъ нужнымъ явиться. Я сказалъ ему: „Ваше

¹⁾ Т. е. сестра Великаго Князя Анна Павловна. П. Б.

²⁾ Это старшій сынъ злополучной Зельмиры (см. „Р. Архивъ“ 1904, 8) и перваго (Наполеоновою милостію) Виртембергскаго короля, родной племянникъ Императрицы Маріи Оеодоровны Первой, въ 1816—1819 годахъ супругъ нашей Екатерины Павловны. П. Б.

в-ство, я знаю, что вы приняли бы меня милостиво въ чемъ бы я къ вамъ ни явился, но хорошо, чтобы простой народъ, видѣвшій, что я къ вамъ пріѣхалъ, зналъ, какъ я оказываю должное Монарху уваженіе“. Король спросилъ, имѣю ли я извѣстія отъ великаго князя Михаила Павловича и его супруги и въ согласіи ли они живутъ. Я отвѣтилъ¹⁾, что давно не получалъ отъ нихъ письма, что полагаю, что они хороши между собой и что не могу предположить, чтобы было иначе. Быть можетъ, вамъ говорили, продолжалъ король, что я принудилъ великаго Князя Михаила Павловича къ этому браку; это ложь: дѣло въ томъ, что я въ это не вмѣшивался, но былъ въ восторгѣ, что можно пристроить мою племянницу и удалить ее отъ ея отца“. Тутъ король видимо оживился и началъ невообразимо злословить: нѣтъ прилагательныхъ, которыми бы онъ его не безчестилъ, обвиняя его въ томъ, что онъ въ связи съ людьми самыми запятанными въ общественномъ мнѣніи. Тогда я сказалъ, что если онъ желаетъ, чтобы я говорилъ съ нимъ какъ съ Монархомъ, я знаю, что предписывается мнѣ долгомъ и уваженіемъ; если же, наоборотъ, онъ разрѣшаетъ мнѣ говорить ему какъ двоюродному брату и бывшему шурину, я скажу ему правду въ томъ видѣ, какъ она мнѣ представляется. Онъ ласково пожалъ мнѣ руку, сказавъ, что желаетъ, чтобы я высказался откровенно. „Ну такъ вотъ, ваше в-ство, сказалъ я, если бы я по несчастію имѣлъ такого брата, какъ вы описываете принца Павла, то, не скрывая отъ себя его недостатковъ, я не разглашалъ бы ихъ передъ другими.—Вотъ еще! сказалъ король; онъ не заслуживаетъ такой пощады. Повѣрите ли, этотъ негодяй хочетъ разойтись съ женой для того, чтобы жениться на женѣ Англійскаго генерала, матери шестерыхъ дѣтей, которую онъ намѣревается развести съ мужемъ?—Я не берусь, сказалъ я королю, судить принца Павла въ отношеніяхъ, которыхъ знать мнѣ не надлежитъ; но ваше величество, какъ вы-то могли бы отказать ему въ разводѣ, когда вы сами прибѣгли къ этому, чтобы устроиться болѣе соотвѣтственно вашему счастью?—Въ супружествѣ моего брата болѣе важныя вины на его сторонѣ, отвѣтилъ король; я только назывался мужемъ своей первой жены²⁾, но съ нею не жилъ.—Вы избрали ее и признали своею законною супругою передъ церковью и закономъ; съ той минуты она была вашей, а остальное—тайна, проникать въ которую никому не подобаетъ. Въ первомъ вашемъ супружествѣ вы не слыли примѣромъ вѣрности, супругъ же своей вы не могли сдѣлать ни малѣйшаго упрека; и тѣмъ не менѣе вы же съ ней разошлись, а брату своему хотите помѣшать развестись съ женой, которая, можетъ быть, безупречна. Это мнѣ кажется несправедливымъ.—Мой братъ, сказалъ король, самъ вызвалъ провинность, на которую считаетъ себя въ правѣ жаловаться. Кромѣ того, онъ хочетъ жениться на простой; это не по княжески, и я этому воспротивлюсь.—Покорнѣйше прошу, ваше величество, быть осторожнѣе въ вашихъ выраженіяхъ, отвѣтилъ я ему, и подумать о томъ, что и я женатъ на простой.

¹⁾ Они только въ Февралѣ этого 1824 г. сочегались бракомъ. Елена Павловна—родная племянница короля Виртембергскаго. П. Б.

²⁾ Первая супруга короля Виртембергскаго была принцесса Баварская. По разводѣ, она стала четвертою супругою Австрійскаго императора Франца. П. Б.

Хоть она и не великая княгиня, тѣмъ не менѣе имѣетъ счастье быть признанною невѣсткою и дочерью Государемъ и моей Матерью; я радуюсь и горжусь своимъ выборомъ.—Но какая же разница? сказалъ король, взявъ меня за руку въ знакъ моей справедливости.—Ваше в-ство, не станемъ разсматривать различія, но разъ на всегда оставимъ это; мы у себя подобнымъ бракамъ не придаемъ такого чисто-нѣмецкаго значенія, свойственнаго только Германіи.—Да, сказалъ король, я Нѣмецъ и горжусь этимъ.—И хорошо дѣлаете, замѣтилъ я: каждому слѣдуетъ дорожить странюю, въ которой волею судьбы онъ родился.

Такъ какъ разговоръ затѣмъ коснулся остальныхъ членовъ семьи, то я позволилъ себѣ спросить у короля, куда онъ думаетъ помѣстить братьевъ великой княгини Елены Павловны. Онъ сказалъ мнѣ: „они въ Тюбингенскомъ университетѣ“.—Какъ, ваше величество, развѣ вы не боитесь вліянія дурныхъ университетскихъ ученій?—„Ну! возразилъ король, это одна изъ басенъ, для простофиля. Я хочу, чтобы изъ моихъ племянниковъ вышли люди и чтобы они спозаранку научились узнавать людей“.

Мы собирались за обѣдомъ у Нидерландскаго наслѣднаго принца, и послѣ того какъ великая княгиня и моя жена рано вечеромъ удалились, у насъ зашелъ разговоръ о нынѣшнемъ положеніи вещей въ Европѣ, сначала въ общихъ чертахъ, а затѣмъ болѣе подробно. Король не замедлил начать развѣивать доктрины, которыя навлекли на него столь справедливое осужденіе союзныхъ государей и отъ которыхъ онъ съ тѣхъ поръ какъ будто исправился.

Съ своей стороны, чтобы прервать столь тягостный разговоръ, который могъ, какъ мнѣ казалось, вызвать непріятныя объясненія, я спросилъ короля, чтò побудило его выбрать для пользованія моремъ окрестности Марселя и почему онъ не поѣхалъ въ Діепъ или Доберанъ; каково дѣйствіе морскихъ купаній и какъ они подѣйствовали на его здоровье? Сначала король говорилъ мнѣ объ укрѣпляющемъ свойствѣ морскихъ купаній, о предпочтеніи, которое обыкновенно дѣлаютъ водамъ Средиземнаго моря, о желаніи его избѣгать всякаго представительства и стѣснительнаго этикета и т. д..

По правдѣ сказать, продолжалъ онъ, первымъ моимъ намереніемъ было ѣхать въ Италію; но въ виду того, что съ некоторыхъ поръ меня держатъ относительно всего въ невѣдннн, я повѣрилъ слуху, будто въ Италіи состоится новый конгрессъ государей, а такъ какъ мнѣ сообщено, что я слишкомъ дурного тона для конгресса (король произнесъ эти слова съ насмѣшливой улыбкой), то посему, изъ опасенія непріятностей, которыя обрушились бы на меня, если бы я находился по близости, пришлось рѣшиться ѣхать въ другое мѣсто.

Я прошелъ молчаніемъ это первое почти прямое нападеніе, и разговоръ зашелъ о другихъ предметахъ. Скоро король добрался до князя Метерниха, смѣялся надъ его пребываніемъ въ Іоганисбергъ, надъ тѣмъ, какъ онъ тамъ важничалъ. „Тотъ самый человѣкъ, котораго я видѣлъ въ столь различныхъ положеніяхъ, въ подозрѣннн, опозореннымъ, осмѣяннымъ, въ наши дни сдѣлался человѣкомъ превосходнымъ, властителемъ судьбы Европы“ и т. п.

Я отвѣтилъ, что мнѣ кажется несомнѣннымъ, что Метернихъ оказалъ весьма существенную услугу правому дѣлу, первый озаривъ государей мыслию относительно необходимости обуздать мятежный духъ, открыто распространенный въ Германіи.

—Какъ, сказалъ король, развѣ и вы изъ тѣхъ, которые относятъ мечты и восторженность молодежи къ заговорамъ? Нѣмецкій народъ не бунтуетъ: этому противятся его нравы, его миролюбивыя и трудолюбивыя привычки; съ этой стороны никогда не придется чего либо опасаться.

Тѣмъ не менѣе я обратилъ его вниманіе на то, что недавніе примѣры довольно ясно доказываютъ, что ученіе о преступности было почти всенародно признано и исповѣдуемо въ сердцѣ Германіи и нашло тамъ сторонниковъ; что приходилось всего ожидать отъ народа, который, приставъ къ подобной партіи, погрузился бы въ самую необузданную развращенность; что въ этомъ отношеніи Майнцкая комиссія собрала множество данныхъ неопровержимой очевидности, независимо отъ того, что открыто бдительностью нѣкоторыхъ правительствъ.

„Въ своей странѣ мнѣ всего этого нечего бояться, сказалъ король, ибо я исполнилъ свои обязательства. Я обѣщаль конституцію, дать ее и сохраню ее; слово мое для меня священо. Тѣмъ хуже для тѣхъ, кто поступилъ иначе“.

Принцъ Оранскій и я, мы оба, сказали королю, что разъ онъ далъ слово, то конечно хорошо дѣлаетъ, что держитъ его, но что всему есть разумные предѣлы, и нѣтъ ничего, чѣмъ бы нельзя было злоупотребить. Нельзя не пугаться при мысли о томъ, что стало бы съ міромъ черезъ десятокъ лѣтъ, если бы вредныя идеи продолжали держаться и вся молодежь, послѣдовательно черпавшая ихъ въ университетахъ, оказалась бы занимающею большую часть военныхъ и гражданскихъ должностей въ Европѣ. Можетъ быть, продолжалъ я, есть даже люди, которые на это рассчитываютъ. Такъ какъ я сдѣлалъ удареніе на этихъ послѣднихъ словахъ, то король отвѣтилъ мнѣ только выразительной улыбкой. Продолжая затѣмъ, онъ возразилъ: „Впрочемъ, я въ своей странѣ царствую согласно съ закономъ и общественнымъ мнѣніемъ и, благодаря этимъ опорамъ, считаю себя болѣе могущественнымъ, чѣмъ тѣ деспоты, которые при малѣйшемъ событіи мѣняють свое мнѣніе и рѣчь, сегодня отрицають то, что говорили вчера, произвольно нарушаютъ свои обѣщанія и вездѣ вмѣсто законовъ приобѣгаютъ къ произволу“.

Я далъ королю докончить, но твердо рѣшилъ найти возраженіе на его ядовитую выходку.

— Не боюсь я князя Метерниха, продолжалъ король; я не таковъ какъ мой сосѣдь, великій герцогъ Баденскій, у котораго Австрійскій посланникъ Грүби входитъ въ полный совѣтъ, чтобы предписывать тамъ приказанія Метерниха.

— Мнѣ трудно повѣрити, сказалъ я королю, чтобы Грүби до такой степени нарушалъ формальности: но, можетъ быть, онъ васъ стѣсняетъ потому, что слишкомъ близко наблюдаетъ за вами и что онъ надсмотрщикъ неудобный.

Я имѣлъ случай видѣть этого Груби въ Эмсѣ, куда онъ прїѣзжалъ для здоровья. Онъ показался мнѣ человѣкомъ добродѣтельнымъ, держащимся хорошихъ правилъ. Имѣя видъ будто припоминаю что-то, я вдругъ сказалъ королю:—Ваше величество, вы уволили моего стариннаго знакомаго Вангенгейма, котораго я знавалъ нѣкогда попечителемъ въ Тюбингенѣ.

— Это негодяй, отвѣтилъ король, провинившійся лично передо мной; я велѣлъ замѣнить его Троттомъ.

— Этотъ Троттъ, сказалъ принцъ Оранскій, пользуется плохую славою.

— Я знаю, возразилъ король, что имъ недовольны за его преданность Иерониму*), но это человѣкъ добродѣтельный, котораго я буду поддерживать. Въ 1815 и 1816 годахъ заслугою многихъ лицъ было то, что они оказались вѣрными Наполеону, а теперь въ нихъ бросаютъ камнемъ.

— А Винцингероде, чтò съ нимъ случилось, ваше величество?

— Это подлець, сказалъ король, позволившій себѣ дѣлать моимъ министрамъ приказанія безъ моего на то разрѣшенія; онъ измѣнилъ своему долгу относительно меня, я его прогналъ.

— Какъ, ваше величество, вы того и другого безъ суда такъ строго наказали? Можетъ быть, они могли бы оправдаться.

— Вотъ еще! возразилъ король; если бы я предалъ ихъ суду, они не преминули бы найти защитниковъ и сторонниковъ, готовыхъ ихъ оправдать.

— Какъ ваше величество, сказалъ я, это вы такъ уважаете законы и мнѣнїе вашей страны, такъ вы боитесь произвола и царствуете согласно данной вами конституціи? Судя по такому дѣйствию, позвольте мнѣ думать, что вы у себя не столько сильны, какъ вамъ хотѣлось бы въ этомъ увѣрить. Развѣ вы не боитесь того, что изъ вашего способа дѣйствій выведутъ заключеніе, что Вангенгеймъ и Винцингероде легко могли бы оправдаться, указавъ, по чьему приказанію они поступали, что они лишь кратковременныя жертвы вашей политики, а что тайкомъ вы ихъ утѣшаете подарками и обѣщаніями, что немилость ихъ скоропреходяща?

Король сначала промолчалъ и показался мнѣ смущеннымъ; наконецъ онъ сказалъ мнѣ: „я вижу, что въ васъ все таже пылкость, какъ и прежде“.

— Не знаю, ваше величество, сказалъ я ему, все таже ли еще во мнѣ пылкость; но вы мнѣ разрѣшили высказать вамъ мой образъ мыслей; я это и сдѣлалъ, не выходя, кажется, изъ надлежащихъ границъ. Если бы вы желали бесѣдовать со мной только въ качествѣ Монарха, я бы стоялъ передъ вами и слушалъ бы васъ, не возражая“.

Принцъ Оранскій, принимавшій участіе въ разговорѣ, постоянно говорилъ вѣрно, осторожно, держась моего мнѣнїя. Я склоненъ, однако, думать,

*) Брату Наполеона, женатому на сестрѣ короля Виртембергскаго. П. Б.

что онъ немного поработенъ умомъ и мнѣніями Виртембергскаго короля. Наши политическіе разговоры этимъ приблизительно и окончились; вскорѣ затѣмъ мы разстались. По зрѣломъ размысленіи и мнѣ стало невозможно не поддаться мысли о томъ, что король Виртембергскій не можетъ быть совершенно чуждъ проискамъ Нѣмецкихъ либераловъ, которые при всякомъ случаѣ перевозносятъ его. Положеніе Швабіи представляетъ естественное посредническое мѣсто между Германіей, Швейцаріей и Италіей. Либералы конечно сумѣли извлечь изъ этого пользу, и король, быть можетъ, въ силу своей популярности среди нихъ, надѣется, въ случаѣ, если вспыхнетъ движеніе, очутиться, такъ сказать, въ авангардѣ и такимъ образомъ получить возможность дать движенію толчекъ наиболѣе подходящій для его выгодъ въ данное время.

Узнавъ, что Великій Князь Михаилъ Павловичъ пріѣзжаетъ въ Варшаву для того, чтобы повидаться со мной, я отправился туда на недѣлю, что, считая съ дорогой туда и обратно, потребовало моего отсутствія на двѣнадцать дней. Вскорѣ затѣмъ, въ Дрезденѣ, нагналъ меня Великій Князь Николай Павловичъ. Дворъ оказалъ ему такое же вниманіе, какъ и мнѣ. Узнавъ, что онъ завѣдуетъ инженерской частью, король и ему предложилъ осмотрѣть Кѳнигштейнъ, а мнѣ сказалъ: „такъ какъ крѣпость вамъ уже извѣстна, а мой возрастъ не позволяетъ мнѣ самому ѣхать туда, то прошу васъ принять тамъ его высочество“. Отправившись въ Кѳнигштейнъ, мы съ братомъ застали тамъ принцевъ Фридриха и Иогана, которые ждали насъ, чтобы принять насъ, а также недавно пріѣхавшаго изъ Дрездена принца Леопольда Кобургскаго¹⁾.

Когда я разсматривалъ Саксонію съ точки зрѣнія ея политики, мнѣ показалось, что дробленіе, которому она подверглась, и печаль, которую въ ней предполагаютъ, придаютъ ей оппозиціонный характеръ; между тѣмъ это отнюдь не соотвѣтствуетъ строгости и мудрости нравственныхъ правилъ короля, а также настроенію народа. Я видѣлъ, какъ народъ проявлялъ своему государю чувство любви и почитанія настолько горячо, что это походило на обожаніе. Недовольные другихъ странъ, стараясь смѣшать исповѣдуемые ими начала съ чувствомъ досады, которое, какъ они думаютъ, существуетъ въ Саксоніи, любятъ смотрѣть на эту страну, какъ на естественное и безопасное убѣжище и этимъ способствуютъ приданію ей враждебнаго вида. По своему характеру сдержанный, а кромѣ того, считающій нужнымъ по своему положенію быть такимъ, король тѣмъ не менѣе охотно соглашается на шаги, которыхъ отъ него требуютъ дружественныя державы для поддержанія общаго спокойствія. Онъ это показалъ въ дѣлѣ ареста Виктора Кузена²⁾, котораго потребовали Прусское правительство и Майнцкая комиссія, но самъ почина въ этомъ онъ бы не

¹⁾ Будущаго Бельгійскаго короля. Это братъ первой супруги в. кн. Константина Павловича, Анны Ѳеодоровны. Въ Запискахъ своихъ, изданныхъ королевою Викторіей, онъ говоритъ, что сестра его не разошлась бы съ в. кн. Константиномъ Павловичемъ, человѣкомъ при всей пылкости добрымъ, но что свекровь виною охлажденія и развѣзда. П. Б.

²⁾ Это извѣстный Французскій философъ; онъ просидѣлъ шесть недѣль въ Берлинѣ въ полицейскомъ заточеніи. П. Б.

сдѣлать, кромѣ конечно, какъ въ крайне безотлагательномъ случаѣ. Не стану описывать Вашему Императорскому Величеству подробности, касающіяся ареста упомянутаго Кузена, будучи увѣренъ, что посланникъ Вашего Величества, Ханьковъ, пространно доносилъ объ этомъ Вашему Величеству.

Мнѣ остается здѣсь упомянуть о своихъ наблюденіяхъ надъ студентами въ Германіи. Прежде всего долженъ я замѣтить, что, за исключеніемъ Бреслава, за время своего объѣзда и остановокъ я не встрѣтилъ, кажется, болѣе тридцати студентовъ въ старинномъ Нѣмецкомъ платьѣ, въ какомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ можно было ихъ видѣть всюду. Тѣ, которыхъ я встрѣчалъ въ различныхъ мѣстахъ, оказались весьма почтительными и вѣжливыми; они останавливались на моемъ пути, поспѣшно снимая фуражки или шляпы. При моемъ выѣздѣ изъ Кобленца случилось даже такъ, что я былъ въ коляскѣ съ своимъ адъютантомъ, въ мундирѣ при эполетахъ; три студента, закутанные въ старинное Нѣмецкое платье, остановились на дорогѣ, чтобы поклониться мнѣ самымъ учтивымъ образомъ; разумѣется, я отвѣтилъ на ихъ поклонъ. Я слышалъ, будто студенты изъ Галле, Иены, Геттингена и Лейпцига уговорились подчиниться чему-то въ родѣ лозунга, который обяываетъ ихъ во всѣхъ предъусмотрѣнныхъ случаяхъ къ одинаковому поведенію и рѣчи. Мнѣ было невозможно узнать, изъ какого, такъ сказать, штаба исходятъ эти правила и гдѣ именно онъ находится; тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что онъ существуетъ. Я узналъ, что этимъ постановленіемъ было предписано имъ при всякомъ случаѣ оказывать мнѣ всевозможный почетъ. Въ Бреславлѣ на улицахъ толпятся въ самыхъ сумасбродныхъ, смѣшныхъ нарядахъ. Въ особенности мнѣ пришло ихъ наблюдать въ мой позапрошлый пробѣздъ черезъ этотъ городъ, совпавшій съ кауномъ тезоименитства Прусскаго короля, т. е. 3-го Августа, когда это торжество вызвало въ городѣ больше движенія, чѣмъ обыкновенно. Независимо отъ стариннаго Нѣмецкаго платья студенты избрали другое еще болѣе странное, похожее на Греческое; носящихъ его они называютъ Colocotron*)! Ихъ обхождение обыкновенно непочтительно и можно бы сказать заносчиво.

По поводу ареста Кузена въ Дрезденѣ вернусь къ нѣкоторымъ подробностямъ, которыя кажутся мнѣ стоящими быть отмѣченными. За нѣсколько дней до моего отъѣзда изъ Дрездена въ Варшаву, когда я отправлялся туда для свиданія съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ, въ виду отъѣзда Ханькова въ Лейпцигъ, чтобы находиться тамъ во время слѣдованія Великой Княгини Маріи, ко мнѣ явился Прусскій министръ при Дрезденскомъ дворѣ, Жорданъ, чтобы сказать, что, въ виду отсутствія Русскаго посла, онъ считаетъ долгомъ поговорить со мной о приказѣ, только что имъ полученномъ отъ своего правительства, который состоитъ въ томъ, чтобы просить Саксонскій дворъ арестовать и выдать какого-то Кузена, Француза по происхожденію, литератора, проживающаго въ Дрезденѣ и замѣшаннаго по показаніямъ какого-то Витте, который содержится въ тюрьмѣ въ Копенгагенѣ. Въ свое время графъ Бернсторфъ сообщилъ мнѣ первыя показанія этого Витте, но я никакъ не

*) Имя одного изъ Греческихъ тогдашнихъ повстанцевъ. П. Б.

могъ съ точностью вспомнить, было ли имя Кузена въ числѣ тѣхъ, на кого онъ донесъ. Такъ какъ Жорданъ сказалъ, что займется приведеніемъ въ исполненіе приказаній своего правительства и что считаетъ долгомъ довести это до моего свѣдѣнія, то я поблагодарилъ его за этотъ знакъ довѣрія, столь впрочемъ соответствующій отношеніямъ, установившимся между обоими нашими правительствами. Съ своей стороны, дабы узнать чгò за челоуѣкъ выше названный Кузенъ, я послалъ къ нему одно лицо, которое нашло возможность завести съ нимъ бесѣду. Однако, мнѣ было не безъизвѣстно, что Кузенъ пріѣхалъ въ Дрезденъ съ молодыми Монтебелло, изъ которыхъ старшій, герцогъ, женихъ Жеребцовой, внучки князя Лопухина; она съ своей матерью тоже недавно пріѣхала въ этотъ городъ. Обстоятельство это поставило Кузена на показъ и доставило ему обширное знакомство какъ въ обществѣ, такъ и въ общественныхъ мѣстахъ; такимъ образомъ встрѣчаться съ ними моему повѣренному было не трудно. У нихъ завязалась бесѣда, и вскорѣ они условились вмѣстѣ прогуляться въ долину, отстоящую отъ Дрездена въ разстояніи одной мили, чтобы тамъ поговорить съ большей свободой. Послѣ многихъ общихъ мѣстъ, мало по малу заговорили о политикѣ и главнымъ образомъ о Германіи.

„Я политикой больше не занимаюсь, сказалъ Кузенъ, усталъ отъ нея; но нужно признаться, Германія въ плачевномъ положеніи; это испорченная машина, которая больше не можетъ двигаться. Вы только посмотрите на принцевъ, которые ею правятъ. Но, сказалъ его собесѣдникъ, мнѣ кажется, Саксонія управляется мудро. Да, отвѣтилъ Кузенъ, Саксонія пользуется нѣкоторымъ благополучіемъ, ея принцъ править ею отечески и мудро, но онъ одной ногой уже въ могилѣ; это царствованіе не можетъ быть продолжительно. Въ итогѣ Германія нѣсколько походить на старое платье, которое нужно вывернуть на изнанку.—Но, вѣдь вы обратите ее въ ветошь, сказалъ его товарищъ.—Что подѣлаете, возразилъ Кузенъ, приходится довольствоваться старьемъ, когда нельзя имѣть новаго; на дѣлѣ, только одинъ принцъ оказался бы способнымъ произвести крупное преобразованіе, это король Виртембергскій, и на него можно было бы рассчитывать“. Вотъ, приблизительно, что было значительнаго въ этомъ разговорѣ. Вскорѣ послѣ того Кузенъ *) былъ арестованъ.

Не безъ великаго удивленія узналъ я по возвращеніи въ Варшаву, что арестъ Кузена вызвалъ нѣкоторое несогласіе и нерѣшимость въ самомъ Прусскомъ правительствѣ. Оказалось, что приказъ арестовать Кузена былъ отданъ Жордану министромъ внутреннихъ дѣлъ Шукманомъ, безъ вѣдома Ансильона, который, въ качествѣ временно управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, оскорбившись такимъ способомъ дѣйствій, запросилъ Жордана, по какому приказу онъ дѣйствовать. Тотъ отослалъ его къ министру внутреннихъ дѣлъ, который, въ свою очередь, весьма долго возражалъ министерству иностранныхъ дѣлъ. Въ этотъ промежутокъ времени Прусскій посланникъ получилъ еще совѣты и требованія отъ начальника полиціи Камитца и отъ князя Витгенштейна, министра королевскаго двора, такъ что въ Берлинѣ этимъ дѣломъ распоряжались четыре лица, конечно, каждое смотря по своимъ взглядамъ.

*) Кузенъ познакомилъ Французовъ съ Нѣмецкою философіею. П. Б.